

Виктор СОЛОДЧУК

Б и б и

*Хорошо на московском просторе,
Светят звезды Кремля в синеве,
И как реки встречаются в море,
Так встречаются люди в Москве.*

Чем выше — тем холоднее, но мне светло и радостно. Это произошло. Свершилось! Как много воздуха, звуков и света! Сколько помню — всеми силами старался выбраться из болота. Только не подумайте, что в слово "болото" я вкладываю негативный смысл. Отнюдь. Там, где я родился, было хорошо. Просто это было действительно болото, в прямом смысле. Пожалуй, не пытайтесь читать между строк. Никаких подтекстов. Под словом "болото" я подразумеваю русское слово "болото", синоним английского слова "bog".

Ну как еще назвать место, где только земля и вода? Разве что — "грязь"? Можно и так, только не хочется. Там прошло мое детство. Это моя родная земля. Мои корни. Моя родина.

Между прочим, на одном из арамейских языков слово "родина" звучало бы для русского уха как "женщина легкого поведения". Я это слово здесь не указываю, потому что оно считается у людей неприличным. Но неужели "женщина тяжелого поведения" звучит приличнее?

Вы спросите — откуда мне это известно? Да отовсюду! Нам, растениям, доступен источник бесконечной информации. Земля. Третья планета от Солнца. Мы — хранители знаний от начала времен. Больше знают лишь камни. Каждый день умножая объем информации, мы не делаем из нее секрета. Ну, и сами пользуемся, почему нет? "Что храним — то имеем, радуясь бесконечному приходу" — именно так звучала поговорка задолго до того, как жизнь вышла из воды.

Через корни мы впитываем такие сведения, что вам и не снилось. А уж о том, что вам снится, известно любой фиалке на подоконнике. И хотя жизнь в горшке сильно ограничивает способности растения, узнать ваши сны даже ей под силу. Все четыре сюжета человеческих сновидений соответствуют простейшими действиями арифметики. Страх и бессилие — вычитание, любовь и радость — умножение, сложение — чудеса и встречи. Когда снится бессмыслица — это деление с бесконечным остатком. Любое сознание проявляется в виде формул. Сны растений также исчисляемы, но гораздо сложнее, в области схождения рядов и теории вероятности. Ничего личного, это эволюция.

Когда я проклюнулся из семечки (лучше сказать — "вылупился"), клюва-то у меня нет! Да и слово "клюв" считается у растений грубым, особенно среди покрытосеменных), покинув скорлупу, я через секунду уже знал о мире все. С одной оговоркой: я знал все, что не касалось меня лично. Такие уж правила, не мной придуманы. Иначе не было бы стимула расти. Так вот. О себе я не знал ничего, об остальном же — все. Что было, что будет, и что есть каждый день. Я говорю — "секунда" или "день", чтобы было понятнее. Время выглядит по-другому, если только то-чего-нет вообще способно как-то выглядеть. Не было прошлого, не будет будущего. Не согласны? Возражайте, я соглашусь. По-вашему, есть прошлое, и есть будущее? Вот именно! Они — "есть", а не "были" или "будут". Людям об этом неоднократно сообщалось, причем на самом высоком уровне. Но я отвлекся. Нам, растениям, это свойственно, простите за ветвящееся изложение.

Выбравшись из зерна, я знал, что надо мной — огромный город. Муравейник. Мегалополь! Последнее слово пахнет воском, не находите? Человеческий улей! Мне сразу захотелось прожить в нем некоторое время.

— Ничего там хорошего нет, — отговаривал дождевой червяк. — Только суета и огни. Сиди дома, целее будешь.

Скучно в родной земле. Прожужжит невнятное сквозь сон личинка майского жука, вот и все новости. Червяк был моим единственным другом и вообще — единственным, с кем там можно было говорить, но отговаривать меня он пытался тщетно. Во мне созрела уверенность, что в мегалополисе я многое узнаю, а также смогу исполнить свое предназначение. У каждого оно свое. У людей — одно, у растений — другое, у майских жуков — третье. Червяк это понимал и почти не обиделся, когда я резко попер наверх.

Итак, прощайте родные края. Я отправился в большой город. Трудности не пугали: если выбрать цель да набраться терпения, нет ничего невозможного. Терпения у растений в избытке, а цель я надеялся найти на месте. По прибытии все оказалось не таким опасным, как говорил червяк, но и не таким красивым, как мне представлялось. Вместо солнца я увидел пыльный лучик света. Ах, вот в чем дело! Меня угораздило прорасти под старой дверью, плашмя лежа-

щей на земле. Несмотря на отсутствие таблички "Добро пожаловать", я счел преграду добрым знаком и стал расти в сторону света.

Вскоре мне повстречались первые local people. Это были дежурившие у входа два жука-короеда в хитиновых панцирях.

— Добрый день, — прошипел тот, что был крупнее. — Предъявите вашу кору, пожалуйста. Или хотя бы корочку.

— У меня нет, — ответил я. — Мне она не очень-то и нужна.

— Договорись сейчас, — пригрозил короед и стал приближаться.

— Да хер с ним, — остановил его второй. У него были длинные усики, хитрые глазки и недоставало лапки. — Он только что приехал. Никуда не денется, если что.

Потрясающее ощущение! Со всех тридцати двух сторон меня окружали стены, но какой же между ними был простор! Я чуть не расхохотался от счастья. Как вы, наверное, уже смогли понять по восклицательным знакам, мы очень чувствительны. Растения любят хорошую музыку и радостные эмоции. В тоскливом окружении мы вянем. Но как же здесь свободно дышится! Сколько света! Новый мир открылся так внезапно, что я был просто обязан поделиться радостью, и в красках все описал другу, рыхлившему землю где-то под моим корнем.

— Ты уже там? — удивился червяк. — Давай позже поговорим, я занят. Рыхлю.

Как удивительно! У меня столько новостей, а он все рыхлит. Скучно в родной земле. Но такое уж предназначение у моего друга — рыхлить землю под корнями. И тут я понял, что время тоже у каждого свое — и зависит оно от предназначения. Если ты на верном пути — время летит, если время тянется — значит, что-то идет не так. Район, где я поселился, был не в центре, зато очень зеленый. Кроны деревьев шептались между собой, стучались ветвями в окна домов и не обращали на меня внимания. "Весна! Весна!" — пищали новорожденные почки. "Весна!" — басили коты на крышах гаражей. "Весна" приходит на тонких ножках, а уезжает в кабриолете, — раскручивалась песня по радио. — Ее встречают глухие кошки, а провожают слепые дети". Мелодия была красивой, аранжировка — просто сказочной, так что глупый текст не мешал получать удовольствие и расти дальше.

Вокруг имела небольшая свалка между гаражами, образовавшаяся, наверное, еще при царе Горохе. Кстати сказать, человек с таким именем действительно правил. Или будет править, неважно. Назвали его Горохом в честь египетского бога Хора, о котором среди покрытосеменных также говорить не следует. Причина такого отношения очевидна — достаточно увидеть изображение бога, чтобы его разлюбить. И дело не только в клюве. Как видите, мой текст разветвляется все сильнее, и это значит, что я расту.

Хотелось скорей увидеть горизонт, однако тутнаться вверх делалось все сложнее. Из-за двери приходилось стелиться вдоль стены, пока не произошло чудо, которого я так долго ждал и на которое, если честно, рассчитывал с самого начала.

— Ах, смотри, какое чудо! — услышал я. — Это то, о чем я подумала? — появление пары ярко одетых людей вывело меня из задумчивости, в которую я неизменно впадаю под воздействием утреннего ультрафиолета.

— Очень похоже, — отвечал мужчина.

Разделив струящиеся от них волны на составляющие, я наслаждался искрящимся воспоминанием о проведенной ночи, потом ощутил блаженство людей, которым не надо мчаться на работу, а на десерт получил привет от вялых листьев чая, сообщавших парочке привкус сирени.

Пришло время реализации моего предназначения. По тонким невидимым нитям, возникшим между мной и людьми в тот момент, когда я упивался их настроением, я легонько выдохнул яркую зелень, радость молодых клеток и энергию роста. Когда парочка глубоко вздохнула, я стал вводить в эту смесь напоминание о древних временах, когда воздух был пищей, вода веселила кровь, а кошки не были декоративными домашними животными...

— Как красиво! — сказала женщина, глядя на мусорную свалку, а мужчина скрипнул челюстями и стал смотреть в небо. — Господи, как же красиво!

Надо было спешить. Любая неожиданность могла прервать связь, и я стал тихо шелестеть листьями.

— Весна, весна, весна...

— Ты чувствуешь? — сказала женщина. — Откуда это?

— Что? — спросил мужчина. — Это? — он указал на меня. — Кто-то бросил зерна с балкона. — Он почему-то хихикнул.

— Молчите, молчите, — шелестели мои листья. — Слушайте, слушайте. Когда равновесие элементов еще не было нарушено избытком металла, дети людей и животных вместе играли солнечными лучами, а наши плоды не были запретными, потому что под запретом был сам запрет, даже на Северном полюсе никто не чувствовал холода, так грели людей их сердца... — что они делают, зачем? Я ведь только начал рассказ о том, как голодный огонь стал рабом, как его заставили плавить медь и серебро...

Охваченная эйфорией, женщина вставила в себя сигарету. Мужчина щелкнул зажигалкой. Соединившие нас нити съехились от вкуса пропитанной нефтью бумаги, отяжелели под запахом горелого табака, провисли и оборвались. О, сколько интересного мог бы рассказать этот табак, расцвести он вечером после дождя, будь он живым и счастливым! Ароматическим растениям проще общаться с людьми. Но знаете, дорогие мои, я не завидую. Вас употребляют самым нелепым способом. Тут поневоле с пониманием начнешь относиться к жестокому стилю грибов, которые наказывают любого за небрежное с собой обращение.

— Надо помочь, — сказала женщина. — Видишь — его привалило. — Они оттащили в сторону дверь, и я вздохнул свободнее.

Теперь вы понимаете, в чем наше предназначение? Мы — банк данных. Любой, кто обратится за информацией, должен ее получить. Но хороша же человеческая логика! Ведь достаточно побыть рядом, зачем же нас сжигать? Хочешь близкого общения — возьми верхние листочки и брось в горячую воду. Хочешь познакомиться еще ближе — брось в горячее молоко. Надеюсь, новые друзья не захотят меня курить. Ведь я всего лишь конопляный кустик. Дальнейшие события покажут, что я ошибался, однако, люди ошибались еще сильнее.

— Я буду за ним ухаживать, — сказала женщина.

— Если зерна хорошие, может вырасти что-то интересное, — сказал мужчина, и они ушли.

О, смешные и глупые! Как же я вас люблю! Не надо же есть растения, чтобы их услышать. С таким же результатом можно жечь книги с целью узнать их содержание.

Освободившись от преграды, мой стебель потянулся вверх. Я пока что не увидел горизонта, но и без того случилось много приятного. Шли дожди, светило солнце, прилетали бабочки, ветер взбивал пену тополиного пуха. Мужчина и женщина время от времени приходили меня проведать. Иногда она меня поливала, хотя в этом и не было потребности. Мне так и не удалось продолжить общение на высшем уровне, зато я подружился с беременной сямской кошкой, которая отлично меня понимала и была счастлива слушать, бесконечно грея бока под горячим солнцем. Благодаря этой сямке предназначение мое свершилось полностью. Ведь растениям, по большому счету, все равно, кому передавать информацию. Главное, чтобы хотели слушать. Иногда, конечно, кошка пыталась жевать мои листочки, но это было игрой.

Первая половина лета выдалась жаркая, но дождливая. Я вырос достаточно, чтобы верхними листочками заглядывать за гаражи, и этого хватило, чтобы однажды под утро (вы никогда не замечали, что все чудесное случается под утро, перед восходом солнца?), проснувшись на рассвете, я увидел легкое фиолетовое свечение и, потянувшись вверх, рассмотрел источник этого света — высоко в небе сияла буква "Бэ", ее свет отсылал во мне тончайшей музыкой, играл на самых нежных гранях моей души — ого, какое длинное предложение! Да уж, можно прекращать ветвиться, пора вести. Я постарался вырасти еще и следующей ночью увидел новую букву — "И". Буквы были расположены одна под другой, вот так:

Б
И

Они переливались удивительными тонами, этот свет не грел и не освещал. Он просто был, манил, разжигал любопытство и питал воображение. Следующий день показался тысячелетием. Он тянулся так медленно, что я чуть не засох от горячего желания читать дальше, зато в эту ночь смог увидеть еще две буквы. К моему удивлению, это опять были буквы "Бэ" и "И". Теперь слово выглядело следующим образом:

Б
И
Б
И

Проснувшись после полудня, я стал думать о смысле таинственного БИБИ. Представлялись двойные звезды, лез в голову Бибигон, ездили детские машинки, и даже не относящийся к делу девиз полярного летчика Саши Григорьев превратился в нечто бессмысленное — "Бороться и Искать. Бороться и Искать". Воспоминались дадаисты и баобабы, была затребована корневая информация о каббале и структурной лингвистике.

Из лабиринта напрасных догадок меня вывела тонкая нить кошачьего писка. Да не одна! Устроившись внутри чемодана с тряпками, сямка вылизывала троих котят и гордо поглядывала

в мою сторону. Чемодан пульсировал волнами бесконечной нежности, диссонансом звучали тревожные нотки. Я отдал подруге запасы сна, накопившиеся по причине бессонных ночей, и она с благодарностью закрыла глаза. Пока мама спала, я рассказывал слепым котятм длинную историю о том, как три толстяка-поросята-мушкетера, которых звали Финансист, Титан и Гений, путешествовали в одной лодке по одной реке.

Я так увлекся перечислением компонентов ирландского рагу, что чуть не прозевал радугу; пока исполнялись комические куплеты, прошел легкий дождик, и теперь в умытом небе изогнулся семицветный мост, по которому в соответствии с мистическими представлениями саблезубых тигров приходят в жизнь новорожденные котятки. Только я хотел рассказать и об этом, в городе появился мой старый друг.

— Ну ты разветвился, — похвалил червяк, глядя на мою растительность. — Рассказывай скорее, что у тебя интересного? Я ненадолго.

Я попытался описать, как выглядит радуга, но не смог. Так бывает с теми, кто знает тебя давным-давно. Говорить с ними не о чем, да и не нужно. Без того хорошо. Пока мы с червяком молчали, глядя на спящую кошку, мне показалось, что это — самый счастливый день в моей жизни. Тогда я еще не знал, что так оно и было.

— Какие новости? — спросил я.

— Дай подумаю, — мой друг спешил обратно, опасаясь припекающего солнца. — Вроде бы много всего, а что конкретно — трудно вспомнить. А! Личинка перевернулась на другой бок.

— Ну, привет передавай.

— Передам, — червяк наполовину ввинтился в землю. — Вот еще что. У нас говорят — засуха скоро. Может быть, вернешься?

— Ни шагу назад. Наше дело правое, — отшутился я с кавказским акцентом, а сам подумал: "Вот что меня здесь держит? Радуга? Дружба с котятками? Пара ярко одетых людей?" Волны сырости, которые принес с собой старый друг, показались атрибутами рая и бросили в меня зерно сомнения. Сомнительный каламбур — зерно внутри растения, однако, так оно и было. Но память осяяло фиолетовое БИБИ, и все колебания исчезли. Вот что меня здесь держит. Любопытство. Какие буквы будут следующими?

— Ну, как знаешь, — сказал червяк. — До встречи.

В тот вечер котят вместе с чемоданом унес дворник, от которого не исходило совершенно никакой информации. Отчаянно мяукающая сямка побежала за ним, а когда вернулась, мои нижние листья в один момент увяли от отчаяния. Напрасно я пытался развлекать подругу историей о том, как некий двоичный кот изменил движение спутника и что из этого вышло. Кошка, казалось, оглохла. В один из дней ее нашла хозяйка и унесла домой.

В темное время суток БИБИ по-прежнему мерцало тайным знаком, символизируя тщетность и бессилие любого знания перед лицом тайны. В одну из таких ночей появились старые знакомые. От них исходили волны алкоголя, азарта и страха. Не произносили ни слова, мужчина и женщина пригнули мою верхушку к земле и принялись обрывать верхние листья, однако, скоро их что-то остановило. Меня отпустили, но из-за поврежденного ствола я остался в согнутом положении.

— Это мужское растение, — с досадой сказал мужчина. — От него никакого толка.

— Что взять с мужчины, кроме денег? — ирония в голосе женщины была такой ядовитой, что я успел почувствовать — назревало выяснение отношений.

— Вот что, — сказал мужчина. — Мне никогда не нравилась твоя манера говорить в лицо одно, а за глаза — другое. Прощай.

Они разошлись в разные стороны, а между гаражами еще три дня висело облако разочарования, быть может — моего собственного. Ведь все у них сложилось бы иначе, услышь они дальше о том, как отомстил огонь пленившим его людям и, согравая, научил мерзнуть, потому что заставил забыть о тепле их собственных сердец.

Мои же дальнейшие обстоятельства складывались таким образом, что кроме неоновой зачатки ничего меня не удерживало не только в городе, одно из имен которого пахнет воском, но и в самой жизни. Жара сменилась пеклом. Земля стала такой горячей, что червяк ушел на недостижимую глубину. Теперь дороги назад и в самом деле не осталось. "Куда вы удалились, весны моей златые дни?" — донеслось однажды из окна. Дальше я, к счастью, не слышал. Красивая мелодия и сильный голос могут оправдывать тупость текста лишь до известного предела. Эта же песня была испорчена одним словом. Кем, скажите, надо быть, чтобы назвать весенние дни — золотыми, то есть — желтыми? Ох уж, этот шансон.

Мне остается лишь БИБИ — неоконченный текст о тайне, скрытой только от меня. Все вокруг затянулось торфяным дымом. Я перестал разветвляться. Мой ствол лежит за гаражами, он больше мне не нужен.

Как выяснилось, мою подругу стерилизовали за легкое поведение. Одног котенка ей оставили. Его зовут Финансист. Историю о теплых сердцах так никто и не услышал. Вам интересно? Дождитесь весны.